

К. Вентцель

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ
НРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНІЯ.

(Посвящается свѣтлой памяти дорогого друга—Н. Я. В.).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,
Le moi,—réfléchissons en nous toute lumière
Qui monte de la terre ou qui descend du ciel:
Soyons l'œil transparent de la nature entière,

Guyau. Vers d'un philosophe.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1896.

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНІЯ.

(Посвящается свѣтлой памяти дорогого друга—Н. Я. В.).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,
Le *moi*,—réfléchissons en nous toute lumière
Qui monte de la terre ou qui descend du ciel:
Soyons l'oeil transparent de la nature entière,

Guyau. Vers d'un philosophe.

Воспитать въ человѣкѣ нравственныя стремленія, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеаль, такъ чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала—самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, самое важное дѣло въ области воспитанія. Воспитаніе физическое и умственное играютъ по отношенію къ нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тѣмъ нигдѣ не сдѣлано такъ мало и въ смыслѣ теоретическаго изученія и въ смыслѣ практическаго примѣненія, какъ въ области нравственнаго воспитанія. Это и понятно,—задачи нравственнаго воспитанія, захватывая всю жизнь человѣка, съ его какъ животными физиологическими потребностями, такъ и высшими духовными интересами, несравненно обширнѣе и сложнѣе тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ главное содержаніе трактатовъ о физическомъ или умственномъ воспита-

ни. Но эта обширность и сложность тѣмъ болѣе должны бы были побуждать сосредоточить на нихъ какъ можно больше силъ, что бы такимъ путемъ скорѣе придти къ практическому разрѣшенію этихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Настоящая статья имѣетъ своею цѣлью уяснить хотя бы въ слабой степени существенныя задачи нравственнаго воспитанія или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намѣтить ихъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о задачахъ нравственнаго воспитанія, слѣдуетъ выяснитъ, что именно надо понимать подъ нравственностью. Это тѣмъ болѣе необходимо, что самое слово допускаетъ разностороннее толкованіе. Читатель можетъ согласиться съ нашимъ опредѣленіемъ нравственности или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ онъ будетъ знать, о чемъ именно идетъ дѣло, когда мы говоримъ ему о нравственномъ развитіи. Этимъ путемъ будутъ избѣгнуты всякія неясности и недоразумѣнія. Но, такъ какъ цѣль настоящей статьи не теоретическое выясненіе принциповъ нравственности, а практическое разрѣшеніе вопроса о нравственномъ воспитаніи, то мы должны при опредѣленіи понятія нравственности ограничиться только существенно необходимымъ. Намъ придется лишь сжато и кратко формулировать свой взглядъ на нравственность, не пытаясь его обосновывать болѣе подробно, иначе это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей непосредственной задачи.

Итакъ, что же такое есть нравственность? Самый естественный отвѣтъ, представляющійся при этомъ, былъ бы, повидимому, таковъ: нравственность есть стремленіе къ осуществленію того, что является для человѣка самымъ высокимъ, самымъ святымъ, самымъ лучшимъ, какими бы именами онъ не называлъ это высокое, святое и лучшее, — правдой, долгомъ, благомъ, или еще какъ-нибудь иначе. Но, что такое правда, долгъ, благо? Имѣютъ-ли всѣ эти вещи какое-либо

значение и цѣну сами по себѣ? Не представляютъ-ли они только того или другого нашего отношенія къ жизни? Не существуетъ-ли какой-либо высшій критерій, съ которымъ должны сообразоваться и отъ котораго получаютъ свое значение всѣ эти великія слова? Да, этотъ критерій существуетъ и этимъ критеріемъ является „жизнь“. Самое высшее, самое драгоценное благо и сокровище для человѣка составляетъ „жизнь“, какъ та жизнь, носителемъ которой онъ самъ является, такъ и та, которая широкимъ потокомъ разлита кругомъ него въ природѣ и человѣчествѣ. Въ „жизни“, понимаемой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нѣтъ ничего ни святого, ни благороднаго, ничего такого, что стоило бы желать — отъ нея одной всё получаетъ и смыслъ, и разумность, и оправданіе своего существованія. Только то мы называемъ хорошимъ, святымъ, нравственнымъ, разумнымъ, справедливымъ, что ведетъ къ сохраненію этого блага или къ накопленію его, какъ въ насъ, такъ и кругомъ насъ. И, наоборотъ, всё то, что мѣшаетъ прогрессивному развитію и росту жизни, — всё это мы награждаемъ противоположными эпитетами. Нравственность поэтому есть ни что иное, какъ сознательное стремленіе и дѣятельность, направленныя на увеличеніе общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ. И такъ какъ человѣкъ, въ предѣлахъ нашего опыта, является выраженіемъ наибольшей концентраціи жизни въ мірѣ, то отсюда становится понятнымъ, почему нравственное поведеніе имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ человѣческія существа. Но человѣкъ можетъ развить наибольшую сумму жизни какъ въ себѣ, такъ и кругомъ себя, только въ обществѣ, т. е., соединяясь съ своими собратьями-людьми въ одно цѣлое, называемое обществомъ. Общественныя отношенія, какъ мы находимъ ихъ въ настоящее время, построены въ значительной мѣрѣ на началахъ антагонизма и борьбы и потому только въ слабой

степени даютъ возможность для каждой отдѣльной личности достигнуть полной и широкой жизни. Только гармоническое общество, построенное на началахъ любви и солидарности, можетъ создать условія для этой полной и широкой жизни, можетъ дать каждой индивидуальности возможность развернуть всѣ свои силы и способности и достигнуть того наиболѣе высокаго и могучаго „чувства жизни“, которое только въ состояніи дать наиболѣе развитая форма общественныхъ отношеній. Вотъ почему достиженіе такой гармонической общественной жизни является конечною цѣлью нравственной дѣятельности, какъ отдѣльной индивидуальной личности, такъ и большей или меньшей совокупности такихъ личностей, — такъ какъ наибольшая гармонія, достигнутая людьми въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, равнозначительна съ наибольшою суммою наиболѣе интенсивной жизни.

Взглянемъ теперь на дѣло нравственнаго развитія съ нѣсколько иной стороны, имѣющей особенно важное значеніе для всего послѣдующаго нашего изложенія. Жизнь каждой отдѣльной личности, насколько она является предметомъ ея сознательныхъ стремленій, можетъ быть сведена къ совокупности тѣхъ или иныхъ цѣлей. Чѣмъ въ бѣльшей мѣрѣ тѣ частныя цѣли, которыхъ достигаетъ въ теченіе своего существованія отдѣльная личность, ведутъ къ увеличенію общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ, составляющему высшую задачу нравственности, тѣмъ въ бѣльшей мѣрѣ жизнь этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Эта высшая цѣль служитъ какъ бы для объединенія всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ цѣлей, которыя личность, сознательно или безсознательно, преслѣдуетъ въ теченіе своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ высшая нравственная цѣль, съ которой мы должны сообразовать всѣ свои частныя цѣли, какія бы намъ не приходилось преслѣдовать, то, какъ прямой

Выводъ изъ этого, необходимо вытекаетъ, что, чѣмъ болѣе согласованы различныя частныя цѣли нашей жизни между собою, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ и наша жизнь. Нравственность немыслима безъ установленія гармоніи между многоразличными цѣлями человѣческой жизни. Такъ какъ всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ крупныя категоріи, — на цѣли индивидуальнаго характера, предметомъ которыхъ является само лицо, ставящее цѣль, и на цѣли соціальнаго характера, предметомъ которыхъ является совокупность индивидуумовъ, внѣ насъ находящихся, — то, можно сказать, что установленіе гармоніи между этими двумя категоріями цѣлей или объединеніе себя съ остальнымъ человѣчествомъ въ одно цѣлое составляетъ высшую задачу нравственности. Итакъ, выраженный въ другой формѣ, идеаль нравственности сводится къ установленію гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни. Къ этому надо только прибавить, что самая система человѣческихъ цѣлей не остается неизмѣнной, но постоянно видоизмѣняется и расширяется по мѣрѣ развитія отдѣльной личности и всего человѣчества. На этой формулѣ мы и остановимся, такъ какъ она особенно для насъ важна въ практическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи сводится къ выясненію того, что именно нужно дѣлать, что бы воспитать въ ребенкѣ стремленіе къ установленію гармоніи вездѣ и всюду, гдѣ только представится къ этому случай, — стремленіе, которое, начавшись со стремленія къ установленію гармоніи между двумя какими-нибудь мыслями или даже съ еще болѣе элементарныхъ формъ, получило бы свое конечное завершеніе въ стремленіи установить гармонію между собой и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и міромъ, причемъ міръ и человѣчество берутся въ такой широтѣ, въ какой только возможно. Создать такое стремленіе къ гармоніи вообще, стремленіе, которое

искало бы все болѣе и болѣе широкаго поля для своего приложенія, — значить подготовить почву для нравственнаго поведенія человѣка и сдѣлать его наиболѣе пригоднымъ для осуществленія нравственныхъ задачъ и цѣлей. Если вы хотите воспитать въ ребенкѣ нравственныя стремленія и выработать въ немъ нравственный характеръ, то, не толкуя ему много объ отвлеченныхъ принципахъ нравственности, старайтесь только воспитать въ немъ стремленіе отдавать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ себѣ ставитъ, и наряду съ этимъ никогда не ослабѣвающую потребность внести гармонію въ этотъ міръ цѣлей, — и вы этимъ сдѣлаете въ тысячу разъ больше для выработки изъ него нравственнаго человѣка, чѣмъ внѣдряя въ него какой-нибудь кодексъ моральныхъ предписаній, имѣющій будто-бы таинственное, сверхъестественное происхожденіе. Расширять количество ставимыхъ себѣ цѣлей, такъ что бы эти цѣли, имѣя въ виду первоначально почти исключительно только нашу особу, распространились бы и охватили постепенно возможно большее количество людей, и въ тоже время постоянно прилагать всѣ усилія къ тому, что бы между всѣми нашими цѣлями была наибольшая возможная гармонія, что бы всѣ онѣ составляли одну стройную систему цѣлей, исключаящую всякія противорѣчія между отдѣльными цѣлями, входящими въ нее въ качествѣ составныхъ элементовъ, — таковъ, какъ упоминалось, высшій нравственный идеаль человѣка. Выраженный въ другихъ словахъ, онъ сводится къ тому требованію, что бы человѣческая жизнь, жизнь отдѣльной личности, была бы наиболѣе плодотворна по количеству и разнообразію полученныхъ въ результатъ отъ нея послѣдствій для всего человечества, считая однимъ изъ составныхъ элементовъ этого человечества и самого нравственнаго дѣятеля. А каждая жизнь и каждая дѣятельность тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ болѣе достигается при средствѣ

нихъ цѣлей и чѣмъ менѣе эти цѣли взаимно исключаютъ другъ друга, — потому что стремиться къ двумъ противорѣчивымъ цѣлямъ значитъ одною рукою уничтожать то, что было сдѣлано другой, значитъ напрасно растратывать свою жизненную энергію. Вотъ почему только итогъ жизненной дѣятельности такой личности, которой въ наибольшей степени удавалось устанавливать гармонию между цѣлями, преслѣдовавшимися ею въ теченіе своей жизни, можетъ быть наиболѣе великъ по своимъ размѣрамъ.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ, понимая въ подобномъ смыслѣ нравственность, могутъ и должны быть воспитываемы въ ребенкѣ нравственныя стремленія.

Развитіе нравственныхъ стремленій связано съ развитіемъ воли, и потому прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, какъ должна быть развиваема въ ребенкѣ воля.

Воля, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, есть такая способность дѣйствовать, при которой рядъ совершаемыхъ человѣкомъ дѣйствій, прежде его реальнаго осуществленія въ дѣйствительности, имѣетъ идеальное существованіе внутри его сознанія въ формѣ представленія себѣ всѣхъ этихъ дѣйствій въ той послѣдовательности, въ какой онъ затѣмъ осуществляетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого опредѣленія, собственно говоря, уже становится яснымъ, что именно нужно дѣлать для развитія воли. Воля, какъ и всякая дѣятельность, развивается тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше бываетъ поводовъ для ея обнаруженія, чѣмъ больше случаевъ, въ которыхъ она можетъ упражняться. Вотъ почему, что бы развить въ ребенкѣ волю, надо пользоваться всякою возможностью, что бы заставить его дѣйствовать согласно поставленной имъ самимъ себѣ цѣли и пользуясь для этого выбранными имъ самимъ средствами.

Чѣмъ болѣе будетъ случаевъ для подобнаго рода дѣятельности, тѣмъ большее развитіе получитъ и воля. Надо только при этомъ не упускать изъ виду слѣдующее одно практическое соображеніе. Цѣль, которую себѣ ставитъ ребенокъ, всегда должна быть практически для него достижима. Достигнутая цѣль порождаетъ пріятное чувство удовольствія, сводящееся отчасти къ чувству побѣды и торжества надъ препятствіями. Это удовольствіе побуждаетъ насъ и въ слѣдующій разъ прибѣгать къ подобному же способу сознательной волевой дѣятельности и отдавать ему предпочтеніе передъ всякими другими формами дѣятельности, напр., передъ дѣятельностью импульсивной, или въ силу привычки, инстинкта и т. д. Если же постоянно случается такъ, что цѣль практически недостижима, то послѣдствіемъ волевой дѣятельности будетъ непріятное чувство пораженія, которое, повторяясь слишкомъ часто, можетъ лишить ребенка всякой охоты затрачивать свои усилія (такъ какъ волевая дѣятельность требуетъ усилій), никогда ничѣмъ не вознаграждающіяся, и у него не будетъ тогда никакого стимула, который побуждалъ бы его отдавать предпочтеніе этому способу дѣятельности передъ всѣми другими.

Развитіе воли, въ смыслѣ дѣятельности согласно умственно представляемымъ себѣ цѣлямъ, находится въ тѣсной зависимости отъ нашей способности представленія, и потому всякій шагъ въ развитіи послѣдней даетъ возможность сдѣлать лишній шагъ впередъ и въ направленіи развитія воли. Чѣмъ шире способность представленія, тѣмъ шире можетъ быть и воля, такъ какъ тѣмъ шире разрастается и объемъ тѣхъ цѣлей, которыя мы можемъ ставить себѣ одновременно, и тѣмъ болѣе отдаленными становятся эти цѣли въ порядкѣ своего достиженія. Если первоначально, при слабо развитой способности представленія, могутъ

ставиться лишь тѣ цѣли, которыя непосредственно сейчасъ же и достигаются, то съ ростомъ способности представленія становятся возможными цѣли, которыя достигаются только на слѣдующій день, слѣдующій мѣсяць, слѣдующій годъ или даже черезъ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ способности представленія дѣлаются возможными цѣли все болѣе далекія и достиженіе которыхъ требуетъ все больше и больше времени.

Но развитіе способности представленія обусловливаетъ также и то, что цѣли, которыя мы себѣ ставимъ, становятся все болѣе и болѣе сложными, до такой степени сложными, что каждая такая цѣль не можетъ быть осуществлена нами сразу, но по частямъ. И чѣмъ сложнѣе становится цѣль, тѣмъ на большее число составныхъ частей она принуждена бываетъ дробиться, причемъ каждая часть принимаетъ отчасти характеръ какъ бы отдѣльной, самостоятельной цѣли. Цѣли болѣе сложныя представляютъ, очевидно, также и цѣли болѣе высокаго порядка. Установленіе гармоніи между своею жизнью и жизнью остальнаго человѣчества, — цѣль, составляющая высшую задачу нравственности, есть также и цѣль самая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль самаго высокаго порядка, на достиженіе которой нравственный человѣкъ посвящаетъ всю свою жизнь. Всѣ частныя цѣли, которыя онъ ставитъ въ своей жизни, являются для него, какъ составные элементы этой широкой и всеохватывающей цѣли.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, что для того, что бы развить въ ребенкѣ волю и способствовать ея подъему на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія, необходимо параллельно съ этимъ заботиться и о развитіи въ немъ способности представленія. Необходимость культивированія способности представленія становится еще болѣе осязательной, если имѣть въ виду не только развитіе воли вообще,

но и развитіе *нравственной* воли въ частности, т.-е. воли, ставящей своей задачей—установленіе все болѣе расширяющейся гармоніи между цѣлями. Безъ богатаго запаса систематизированныхъ представленій и безъ развитой способности связывать синтетически эти представленія между собою—немыслимо установленіе гармоніи между цѣлями нашей жизни, такъ какъ каждая цѣль сводится къ совокупности тѣхъ или другихъ представленій. Надо располагать обильнымъ умственнымъ матеріаломъ, который доставляетъ человѣку научный и жизненный опытъ и наблюденіе, надо также располагать высоко развитою способностью къ анализу и критикѣ, а также и въ особенности къ синтетической, строительной, творческой дѣятельности мышленія, что бы быть въ состояніи въ самой широкой возможной степени установить гармонію цѣлей. Забота объ интеллектуальномъ развитіи, о культурѣ ума и притомъ всесторонней, а не односторонне направленной, является существенно важной и необходимой не только въ интересахъ самаго этого развитія, но и еще болѣе въ интересахъ развитія въ насъ воли и нравственныхъ стремленій. Жизнь отдѣльной личности, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ тѣмъ болѣе воплощать въ себѣ все возрастающую по своимъ размѣрамъ гармонію и тѣмъ болѣе будетъ плодотворна для человечества, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе этой личности. Правильная гармоническая культура ума не только не ведетъ къ умаленію въ насъ нравственныхъ задатковъ, но, напротивъ того, составляетъ необходимое предварительное условіе для того, чтобы эти задатки развернулись въ насъ пышнымъ цвѣтомъ и дали все, что они только могутъ дать.

Но, чтобы вести къ этой цѣли интеллектуальное воспитаніе должно быть именно гармоническимъ. Всѣ процессы интеллектуальнаго развитія могутъ быть

разбиты нами на слѣдующія группы: на процессы воспріятія, памяти и творчества. И здѣсь слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждый изъ отмѣченныхъ процессовъ былъ развиваемъ въ надлежащей степени и наибольшей гармоніи со всѣми остальными. Воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью — выработку человѣка, который обладалъ бы способностью съ наибольшею полнотою, точностью и ясностью воспринимать явленія окружающей его жизни, который могъ бы наиболѣе легко, свободно и на продолжительное время удерживать въ своей памяти все то, что ему приходится переживать и воспринимать, и который, наконецъ, въ наивысшей степени располагалъ бы даромъ творчески перерабатывать имѣющійся въ его распоряженіи психическій матеріалъ, чтобы создавать изъ него болѣе совершенныя возможныя комбинаціи дѣйствительной жизни. Творчество есть высшая духовная способность, для которой память и воспріятіе доставляютъ только матеріалы, но было бы большою ошибкой культивировать ее чрезмѣрно въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Если способность воспріятія и память будутъ слабо развиты, то психическое творчество найдетъ себѣ исходъ въ построеніи вымысловъ, лишенныхъ всякаго реального значенія и не могущихъ играть въ жизни никакой дѣятельной роли. Только тогда творчество можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда оно связано съ нормально развитою способностью воспріятія и съ наиболѣе богатою памятью. Такой человѣкъ только дастъ обществу живые идеалы, которые явятся образцами для дѣятельности другимъ людямъ.

Чтобы развить въ ребенкѣ способность къ правильному восприниманію окружающихъ его явленій, къ точному наблюденію ихъ, воспитать въ немъ умѣнье разумно пользоваться своимъ жизненнымъ опытомъ и развить привычку критическаго отношенія къ своей

прошлой жизни и сознательнаго руководительства своею будущею жизнью, намъ кажется, было бы полезно заставлятъ его, сначала при содѣйствии взрослога, а потомъ, когда онъ научится свободно и легко писать и формулировать свои мысли, то и самому, записывать свои жизненные наблюденія, въ особенности если они принадлежатъ къ числу выходящихъ вонъ изъ ряду, и отдавать себѣ отчетъ о томъ, что было сдѣлано въ теченіе дня. Каждодневное записываніе взрослымъ подъ диктовку ребенка всего, такъ или иначе оставившаго слѣдъ въ его сознаніи, пріучаетъ ребенка къ точному наблюденію и къ ясному формулированію наиболѣе характерныхъ чертъ наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ явленій. Конечно, взрослому придется отчасти наталкивать его, чтобы онъ обратилъ вниманіе на тѣ именно черты, которыя дѣйствительно являются характерными. Жизненный фактъ, въ которомъ ребенокъ отдалъ себѣ такимъ образомъ вполнѣ ясный отчетъ, дѣйствительно станетъ его прочнымъ духовнымъ достояніемъ и навсегда запечатлѣтся въ его памяти. Подобныя записи можно будетъ отъ времени до времени перечитывать и онѣ облегчатъ ребенку воспоминаніе о томъ, что съ нимъ прежде было. Это перечитываніе будетъ служить для него даже величайшимъ источникомъ наслажденія. Если же при этомъ позаботиться о томъ, чтобы жизнь ребенка была содержательна, чтобы ему дѣйствительно представлялась возможность дѣлать разностороннія наблюденія, то результатъ отъ подобной системы можетъ получиться только наилучшій.

Скажутъ, пожалуй, — такимъ путемъ вы разовьете изъ ребенка резонѣра и вообще какое-то разсудочное существо. Однако, ничего подобнаго здѣсь не можетъ имѣть мѣсто. Рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы ребенокъ пересталъ думать и поступать по дѣтски, жить чисто дѣтскою жизнью, свойственною его возрасту, и напялилъ-бы на себя шкуру взрослога. Нѣтъ, пускай

ребенокъ живетъ этою дѣтскою жизнью во всей ея полнотѣ, пусть дѣтскіе годы дадутъ ему всё, что они только могутъ дать свѣтлаго и хорошаго. Прочь резонёрство и узкая разсудочность—они противны бываютъ даже и во взрослыхъ... Но записываніе своихъ наблюденій, правдивый отчетъ о фактахъ дѣйствительной жизни, о томъ, какъ проведенъ былъ день, что удалось въ теченіе дня сдѣлать, услышать или увидѣть,—рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ резонёрствомъ. Здѣсь не нужно никакихъ разсужденій и разглагольствованій, здѣсь требуется только сжатое, краткое и ясное изложеніе фактовъ, изъ котораго исключено всё лишнее и несущественное. Я пойду даже дальше и скажу, что подобное записываніе наблюденій гораздо скорѣе можетъ отучить человѣка отъ резонёрства и разглагольствованій, приучить его къ точному наблюденію и дать ему возможность впоследствии всегда легко и свободно ориентироваться въ своей жизни и потому быть во всякую данную минуту способнымъ разумно и сознательно вмѣшаться въ жизнь и стать однимъ изъ дѣятельныхъ элементовъ ея преобразованія къ лучшему.— Затѣмъ, если вы, записывая проведенный ребенкомъ день, обращаете его вниманіе на то, какъ мало было сдѣлано въ теченіе дня, какъ онъ пусть по своему содержанію по сравненію съ такими то прошедшими днями, запись о которыхъ у васъ сохранилась и о которыхъ вы ему напоминаете, то и въ этомъ нѣтъ ничего, что воспитывало бы стремленіе къ резонёрству. Наоборотъ, это можетъ только вызвать въ ребенкѣ стремленіе, чтобы слѣдующіе дни были болѣе полны и содержательны, такъ чтобы ему не пришлось жалѣть о нихъ. Если бы вамъ удалось воспитать въ ребенкѣ привычку чувствовать страданіе при мысли о безплодно проведенномъ времени, то вы оказали бы этимъ ему огромную пользу, вы предотвратили бы его отъ безплодной

непроизводительной растраты времени, которая составляет громадное зло въ наши дни.

Но, отмѣчая содержательность или безсодержательность дня, проведеннаго ребенкомъ, надо остерегаться измѣрять эту содержательность на аршинъ взрослога и становиться на точку зрѣнія тѣхъ требованій, которыя взрослый можетъ ставить къ жизни и человѣку. Тотъ день, который съ точки зрѣнія взрослога можетъ являться пустымъ и безсодержательнымъ, для ребенка можетъ быть полонъ и богатъ, и ребенокъ въ этомъ отношеніи будетъ правъ. Тѣ стороны жизни, которыя имѣютъ для ребенка развивающее значеніе и вліяютъ на развитіе его ума, чувства и воли, могутъ быть лишены для взрослога всякаго значенія. Вотъ почему, если вы при оцѣнкѣ проведеннаго дня упускаете изъ виду эту разницу точекъ зрѣнія и пытаетесь навязать ребенку вашу точку зрѣнія, до которой онъ еще не доросъ и на которую ему становится поэтому и не обязательно, то вы совершаете большую ошибку. Важно не то, чтобы ребенокъ научился стремиться къ болѣе содержательному дню съ вашей точки зрѣнія, но чтобы онъ стремился къ болѣе содержательному дню, какъ этотъ послѣдній представляется ему съ его точки зрѣнія. Когда онъ выростетъ, то будетъ стремиться сдѣлать день болѣе содержательнымъ, имѣя въ виду ваши требованія отъ жизни, а пока предоставьте ему судить о содержательности дня со своей чисто дѣтской точки зрѣнія, на которую каждому изъ насъ приходилось становиться въ свое время. Если вы будете поступать иначе, то рискуете добиться того, что ребенокъ перестанетъ и вовсе стремиться сдѣлать свой день содержательнымъ, съ какой бы точки зрѣнія эта содержательность не оцѣнивалась, или, если хотите, будетъ стремиться, но по принужденію, а не свободно. Всякій разъ поэтому, когда онъ почувствуетъ, что бдительность съ вашей стороны ослабѣла, когда

Ему тѣмъ или другимъ путемъ удастся освободиться отъ внѣшняго гнѣта, онъ будетъ стараться употребить свое время самымъ безсодержательнымъ и непродуцительнымъ образомъ. Подобныя стремленія рождаются всегда, когда чья-либо рука навязываетъ намъ планъ жизни, который мы не понимаемъ и которому не сочувствуемъ. При продолжительномъ порабощеніи въ этомъ отношеніи, какъ реакція, явится стремленіе жить безъ всякаго плана.

Каждый изъ насъ можетъ констатировать, какое слабое руководящее значеніе планъ наиболѣе содержательной и разумной жизни имѣетъ въ нашемъ существованіи и какъ, собственно говоря, трудно направлять свою жизнь согласно извѣстному плану. Мнѣ кажется, здѣсь могло бы быть очень полезно передъ началомъ дня намѣчать совмѣстно съ ребенкомъ предположительную программу этого дня, т. е. что именно должно быть и можетъ быть въ теченіе его сдѣлано. Если намѣченная такимъ образомъ программа не задается невозможными цѣлями и получаетъ каждый разъ свое практическое осуществленіе, то ребенокъ приучится располагать свой день сообразно извѣстному плану и находить въ этомъ большое удовольствіе, такъ какъ нѣтъ больше удовольствія, какъ сознавать, что удалось выполнить ту задачу, которую самъ себѣ задалъ. Подобный планъ необходимо дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ даже при каждой исполняемой имъ въ теченіе дня работѣ, такъ чтобы сама работа явилась, какъ заранѣе задуманное осуществленіе послѣдовательныхъ цѣлей, которыхъ послѣдовательность была предварительно имъ сознана. Конечно, всё здѣсь будетъ зависѣть отъ того, насколько широко развить кругозоръ ребенка. Будучи первоначально способенъ составить планъ только для времени, ограниченнаго нѣсколькими минутами или часами, онъ понемногу сдѣлается способнымъ составить планъ для цѣлаго дня,

недѣли, мѣсяца, года, пока, наконецъ, ставши взрослымъ человѣкомъ, съ установившимся міросозерца-ніемъ и нравственнымъ характеромъ, онъ будетъ въ состояніи выработать себѣ планъ всей своей будущей жизни, сообразно съ которымъ онъ будетъ оцѣнивать и располагать отдѣльныя задачи, которыя онъ ставитъ себѣ каждый день.

Въ этомъ отношеніи надо съ малыхъ лѣтъ воспитывать въ человѣкѣ творческое отношеніе къ практической жизни, надо приучить человѣка смотрѣть на каждый проведенный имъ день въ жизни, канувшій въ вѣчность, какъ на продуктъ его творчества, какъ на созданіе, выходящее изъ его рукъ или которое могло бы въ значительной степени выходить изъ его рукъ. Пусть человѣкъ на каждый день своей жизни смотритъ, какъ на художественное произведеніе, и научится находить свое высшее удовольствіе въ томъ, чтобы эта творческая работа рукъ его воплощала въ себѣ истину и красоту и являлась бы высокимъ выраженіемъ нравственнаго идеала. Если не всякій бываетъ художникомъ въ области такъ называемаго искусства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, то всякій, наоборотъ, можетъ и долженъ быть художникомъ въ сферѣ практической жизни. Всякій является до извѣстной степени творцомъ своей собственной жизни и надо заботиться о томъ, чтобы произведеніе этого высшаго изъ всѣхъ искусствъ, искусства сознательной и разумной жизни, дѣйствительно было таково, чтобы имъ можно было гордиться. Каждый день нашей жизни есть только часть того громаднаго художественнаго созданія, которое мы творимъ день за днемъ въ теченіе всей своей жизни, и которое во всей полнотѣ открывается намъ только въ моментъ разставанія съ земнымъ существованіемъ. Нѣтъ ничего выше идеи человѣка, ставшаго творцомъ своей собственной жизни, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ былъ истиннымъ

художникомъ въ этой области и употребилъ во благо заложенные въ немъ творческія способности! Легче, тысячу разъ легче написать умную книгу, сочинить великолѣпную симфонію, нарисовать превосходную картину, чѣмъ оставить людямъ образецъ жизни, служащей воплощеніемъ идеальной красоты и нравственнаго совершенства. И вотъ тѣ творческія способности, которыя надо культивировать въ людяхъ! Нужны прежде всего не столько хорошіе музыканты, не столько хорошіе ученые, сколько хорошіе люди. Нужна прежде всего не столько способность сочинять книги или оперы, сколько способность творить и создавать новыя теченія жизни. Если бы эта способность развивалась въ насъ съ малыхъ лѣтъ, то мы давно бы уже имѣли въ этой области много художественныхъ созданій, которыя могли бы вызывать нашъ неподдѣльный восторгъ и передъ которыми всѣ произведенія такъ называемаго искусства явились бы пустою и ничтожною забавой. Научимся-же смотрѣть на себя и на нашу жизнь съ этой точки зрѣнія и тогда, право, она пріобрѣтетъ для насъ больше смысла, разумности и значенія!.. Если человѣку дѣйствительно удастся стать творцомъ своего собственнаго существованія, то это будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только увеличеніе интереса къ самой жизни. У человѣка больше будетъ охоты жить на бѣломъ свѣтѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность сознательно направлять жизненный процессъ и регулировать его, а не плыть противъ воли, повинуваясь произвольному теченію жизни, въ сторону, противоположную своимъ завѣтнымъ стремленіямъ и надеждамъ.

Всѣ это и объясняетъ, почему съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, надо заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательнаго вмѣшательства въ жизненные событія и о воспитаніи

въ нихъ привычки къ направленію своей жизни сообразно съ извѣстнымъ планомъ. Только надо при этомъ заботиться также и о томъ, чтобы человѣкъ не приучался разсматривать планъ, какъ нѣчто неизмѣнное и разъ навсегда данное, не допускающее никакихъ поправокъ и измѣненій. Напротивъ, онъ долженъ воспитать въ себѣ привычку отъ времени до времени критически провѣрять цѣлесообразность своего плана жизни и вносить въ него необходимыя поправки и дополненія, соотвѣтственно съ расширившимся пониманіемъ жизни; и даже болѣе того, готовность отказаться отъ своего плана, если бы послѣ критической провѣрки онъ оказался никуда негоднымъ. Однимъ словомъ, планъ жизни не долженъ быть воздвигаемъ въ непреложный догматъ, но долженъ подлежать прогрессу соотвѣтственно съ развитіемъ нашего ума и обогащеніемъ нашего житейскаго опыта. „Человѣкъ съ планомъ“, надъ созданіемъ котораго работаетъ воспитаніе, отнюдь не долженъ быть доктринеромъ и догматикомъ. Планъ жизни только тогда и можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда подвергается постояннымъ исправленіямъ, иначе же онъ станетъ для дѣйствительной жизни Прокустовымъ ложемъ и поведетъ къ уродованію и искаженію этой жизни. Такая способность критическаго отношенія и готовность къ видоизмѣненію принятыхъ нѣкогда способовъ и приемовъ жизни и дѣятельности и обычнаго порядка въ ежедневномъ теченіи дня тоже должна быть развиваема въ ребенкѣ, какъ только къ этому явится возможность.

Относительно плана жизни слѣдуетъ отмѣтить, что чѣмъ болѣе широкій періодъ времени онъ охватываетъ, тѣмъ болѣе становится неопредѣленнымъ. Планъ всей послѣдующей жизни не можетъ носить такого опредѣленнаго характера, какъ планъ завтрашняго дня моей жизни. Но этотъ болѣе опредѣленный планъ завтраш-

няго дня всегда долженъ быть вырабатываемъ сообразно съ неопредѣленнымъ планомъ всей жизни. Цѣли, которыя мнѣ хотѣлось бы осуществить въ теченіе всего своего земного существованія должны служить руководящимъ началомъ въ выборѣ тѣхъ частныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ я себѣ намѣчаю въ предѣлахъ одного дня своей жизни. Такимъ образомъ, на ряду съ общимъ планомъ жизни человѣкъ долженъ создавать себѣ также и рядъ плановъ, охватывающихъ его жизнь въ предѣлахъ послѣдовательно всё болѣе и болѣе суживающагося промежутка времени и которые становятся тѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ на меньшій промежутокъ времени они простираются, пока такимъ образомъ онъ не дойдетъ до плана, охватывающаго только одинъ день его существованія и допускающаго поэтому наибольшую ясность и опредѣленность.

Изъ высказанныхъ ранѣе соображеній о развитіи воли вообще и нравственной воли въ частности, мнѣ кажется, можно вывести слѣдующія практическія правила.

1. Полезно упражнять ребенка въ отыскиваніи связи между различными цѣлями, которыя ему приходится себѣ ставить, такъ чтобы онъ приучился смотрѣть на каждую цѣль, какъ на одинъ изъ составныхъ элементовъ одной системы цѣлей; приучился бы спрашивать себя, находится-ли эта цѣль въ гармоніи со всѣми остальными его цѣлями или противорѣчитъ имъ, и если противорѣчитъ, то въ чѣмъ именно. Однимъ словомъ, надо приучить его разсматривать каждую цѣль не отдѣльно и изолированно, а въ связи со всею совокупностью цѣлей. Само собою понятно, что это можетъ быть дѣлаемо только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ самыя цѣли могутъ быть охвачены ребенкомъ въ одной системѣ, и кромѣ того надо, чтобы ребенокъ сравнивалъ между собою тѣ именно цѣли, которыя онъ

самъ ставить, а не тѣ, которыя взрослый хотѣлъ бы навязать ему.

2. Отыскиваніе связи между цѣлями и сравненіе цѣлей между собою должны производиться самимъ ребенкомъ, а не взрослымъ за него. Взрослый долженъ только помогать ему, т. е. только наталкивать и наводить его, а онъ долженъ самъ находить тѣ черты согласія или противорѣчія, которыя существуютъ между отдѣльными цѣлями. Если вы будете анализъ и сопоставленіе цѣлей производить за ребенка, то въ немъ не воспитаются привычка къ подобному анализу и сопоставленію, привычка, составляющая необходимое основаніе въ развитіи нравственнаго характера.

3. Приучайте также ребенка къ сравненію и сопоставленію между собою тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ, и тѣхъ средствъ, которыя выбираетъ для ихъ достиженія. Выбранныя средства могутъ быть разсматриваемы тоже какъ цѣли, но только какъ цѣли ближайшія, ведущія къ достиженію цѣлей болѣе отдаленныхъ. Принципъ гармоніи цѣлей требуетъ поэтому, чтобы между средствомъ и цѣлью существовала наибольшая гармонія и чтобы они не находились между собою въ антагонизмѣ. Если средства противорѣчатъ цѣли, то, съ нравственной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сказано, что „цѣль оправдываетъ средства“. Да, если хотите, можно, пожалуй, и допустить, что цѣль оправдываетъ средства, но только въ той мѣрѣ, въ какой эти средства не противорѣчатъ цѣли и не уничтожаютъ её. Если же средства противорѣчатъ самой цѣли, то никакая цѣль не можетъ ихъ оправдать. Доведенный до крайности принципъ „цѣль оправдываетъ средства“ есть глубоко безнравственный принципъ, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ, которое нравственность ставитъ человеку, а именно съ требованіемъ стремиться къ наибольшей гармоніи всѣхъ цѣ-

лей между собой. Вотъ почему съ малыхъ лѣтъ надо поселять въ ребенкѣ отвращеніе къ этому принципу, привычку не считать безразличнымъ характеръ тѣхъ средствъ, которыя выбираются для достиженія цѣли, но выбирать изъ всѣхъ средствъ именно тѣ, которыя въ наименьшей степени противорѣчатъ самой цѣли, если выборъ средствъ, вполне гармонирующихъ съ цѣлью, почему-либо невозможенъ.

Въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія представляется весьма важнымъ вопросъ о классификаціи цѣлей, а также и вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя система цѣлей претерпѣваетъ въ теченіе индивидуальной жизни, т. е. какимъ образомъ эта система расширяется или суживается и гармонія цѣлей становится болѣе совершенной или менѣе совершенной. Въ этомъ отношеніи интересно было бы хотя приблизительно начертать такую систему цѣлей для различныхъ періодовъ жизни человѣка.

Всякая классификація предполагаетъ извѣстный принципъ, положенный въ ея основу, принципъ, выражающій ту точку зрѣнія, съ которой данная классификація производится. Съ какой-же точки зрѣнія слѣдуетъ производить классификацію цѣлей?

Цѣли можно классифицировать или по степени ихъ широты, т. е. сообразно съ количествомъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при ихъ достиженіи, или по степени ихъ отдаленности во времени, или по качественному ихъ характеру и т. д. Всѣхъ возможныхъ способовъ классификаціи мы не беремся исчерпать, такъ какъ точки зрѣнія, сообразно которымъ группируются цѣли, могутъ быть крайне разнообразны. Важно, конечно, выбрать классификацію наиболѣе естественную, т. е. соответствующую дѣйствительному порядку развитія самихъ цѣлей. Что касается развитія цѣлей, то въ этомъ отношеніи можетъ быть отмѣченъ слѣдующій фактъ: чѣмъ болѣе развивается система цѣ-

лей, тѣмъ болѣе цѣли становятся широкими по своимъ размѣрамъ, охватывая все большее и большее количество живыхъ существъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся все болѣе отдаленными въ порядкѣ ихъ достиженія и принимаютъ все болѣе отвлеченный и идеальный характеръ.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній попробуемъ намѣтить себѣ примѣрную классификацію всѣхъ цѣлей человѣческой жизни въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и высоты. Намъ придется при этомъ перейти за предѣлы собственно такъ называемаго дѣтскаго возраста и мы можемъ считать себя въ правѣ сдѣлать это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нравственное воспитаніе не есть дѣло, ограничивающееся только этимъ возрастомъ, но есть и должно быть дѣломъ всей жизни человѣка. Не придавая нашей классификаціи окончательнаго значенія, мы думаемъ, что она можетъ тѣмъ не менѣе послужить прекрасной иллюстраціей для того принципа гармоніи цѣлей, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Это обстоятельство и побуждаетъ насъ, не смотря на всѣ недостатки, признаваемые нами, изложить ее передъ читателемъ.

По роду и количеству тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при достиженіи цѣлей, всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ большія группы: 1) на тѣ цѣли, въ которыхъ центромъ тяжести является наша собственная личность, и 2) на тѣ цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ внѣ нашей личности, въ большей или меньшей совокупности находящихся внѣ насъ живыхъ существъ. Что касается послѣднихъ, то широта ихъ будетъ, конечно, находиться въ зависимости отъ количества охватываемыхъ ими существъ. Онѣ могутъ относиться или къ одному существу, или къ небольшой группѣ живыхъ существъ (напр. къ семьѣ, къ кружку товарищей), или къ болѣе широкой группѣ,

въ которую данная группа входитъ, какъ составная часть (напр.: къ извѣстному народу, къ которому принадлежитъ данная личность), или къ самой широкой группѣ высшихъ существъ, намъ подобныхъ, которую мы называемъ именемъ человѣчества, пока, въ конечномъ предѣлѣ, онѣ не распространятся на совокупность всѣхъ живыхъ существъ, или на весь міръ. До какой степени широты можетъ достигнуть названная группа цѣлей будетъ зависѣть отъ той степени развитія, которой достигли въ данную минуту человѣчество и отдѣльная личность.

Обратимся теперь къ болѣе подробному подраздѣленію каждой изъ названныхъ группъ.

Что касается тѣхъ цѣлей, въ которыхъ центромъ тяжести является само лицо, ставящее цѣль, то здѣсь прежде всего можно отмѣтить, въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности, слѣдующія три главныя подгруппы: 1) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду наше *самосохраненіе*, 2) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *доставленіе себѣ счастья*, и 3) цѣли, предметомъ которыхъ является *совершенствованіе* или *развитіе* самого лица, ставящаго цѣль.

Чтобы имѣть возможность дѣлать чтобы то ни было для себя-ли или для другихъ прежде всего необходимо существовать и быть въ состояніи оградить свое существованіе отъ всѣхъ враждебныхъ ему вліяній, отъ всего того, что имѣетъ тенденцію прекратить нашу жизнь и наше существованіе. Въ этомъ смыслѣ забота о своемъ самосохраненіи составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ цѣлей нашей дѣятельности и эта цѣль не утрачиваетъ своего значенія никогда, какъ бы высоко ни поднялся человѣкъ по лѣстницѣ духовнаго и нравственнаго развитія. Разница только въ томъ, что существо низменное, знакомое только съ одними животными потребностями, заботится о сохраненіи своей жизни для того, чтобы имѣть возможность удовлетво-

рять свои животныя побужденія, а существо, высоко-развитое въ нравственномъ отношеніи, заботится о сохраненіи своей жизни, чтобы сдѣлать её орудіемъ достиженія нравственныхъ идеаловъ, чтобы сдѣлать её источникомъ наибольшаго тепла и свѣта для окружающихъ людей. Но необходимость заботиться о своемъ самосохраненіи одинаково тяготѣетъ какъ надъ нимъ, такъ и надъ самымъ ничтожнымъ микроскопическимъ существомъ, одаренномъ жизнью.

Чтобы существованіе было возможно необходима наличность извѣстной совокупности жизненныхъ условій. Организмъ долженъ получать отъ времени до времени извѣстное количество опредѣленной пищи, долженъ имѣть возможность сохранять на извѣстной степени свойственную ему животную теплоту, находиться въ средѣ, имѣющей извѣстную степень тепла, влажности и въ надлежащей степени освѣщенной. Опредѣленіе тѣхъ жизненныхъ условій, которыя необходимы для сохраненія организма и для успѣшной борьбы его съ враждебными вліяніями, и вообще всего того, что требуется, чтобы сдѣлать организмъ наиболѣе стойкимъ въ этой борьбѣ, составляетъ главный предметъ гигиены, которая наряду съ общими отмѣчаетъ и тѣ особенныя условія, которыя необходимы для различныхъ возрастовъ жизни человѣка. Очевидно, напр., что гигиена перваго дѣтства не можетъ быть вполнѣ одинакова съ гигиеной зрѣлаго возраста. Что касается ребенка, то въ первые годы его существованія почти всѣ заботы о сохраненіи его жизни падаютъ на постороннихъ людей, т. е. на мать, отца и т. д. и только по мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, онъ начинаетъ мало-по-малу принимать всё больше и больше участія въ заботахъ о самосохраненіи. И, конечно, взрослый, какъ только представится къ этому возможность, необходимо долженъ приучать его къ подобнымъ заботамъ. Если ребенокъ научится въ достаточной сте-

пени самъ заботиться о себѣ, то вы гораздо легче убережете его отъ всего вреднаго, чѣмъ если вамъ придется постоянно за него бодрствовать. Способность къ самосохраненію должна быть культивируема какъ можно раньше; и, какъ только представится къ этому возможность, надо стремиться къ тому, чтобы забота о самосохраненіи велась разумно и рационально. Въ этомъ отношеніи очень полезно сообщать ребенку въ популярной формѣ различныя свѣдѣнія изъ гигиены, такъ чтобы каждая усвоенная имъ привычка въ видахъ самосохраненія получила для него разумный смыслъ и значеніе. Тогда, быть можетъ, намъ не пришлось бы встрѣчаться съ столь сильно распространеннымъ фактомъ неспособности даже взрослыхъ людей въ надлежащей степени заботиться о своемъ самосохраненіи. Повторю еще разъ, въ заботахъ о самосохраненіи рѣшительно нѣтъ ничего предосудительнаго и отталкивающаго и онѣ не имѣютъ ничего общаго съ эгоизмомъ. Дадите ли вы въ себѣ просторъ эгоистическимъ или альтруистическимъ чувствамъ, будете ли вы смотрѣть на себя, какъ на центръ вселенной, какъ на фокусъ, куда долженъ быть собранъ весь свѣтъ со всего міра, или же какъ на источникъ свѣта, который долженъ распространить свой свѣтъ во всѣ стороны,—и въ томъ и другомъ случаѣ предъ вами встанетъ роковая необходимость существованія. Не бойтесь поэтому научить своихъ дѣтей въ достаточной мѣрѣ заботиться о своемъ существованіи. Въ особенности же, если вы при этомъ внушаете имъ мысль о томъ высококомъ нравственномъ назначеніи, которое имѣетъ человѣческая жизнь, то въ вашихъ стараніяхъ привить имъ въ надлежащей степени науку и искусство самосохраненія рѣшительно ничего не можетъ быть опаснаго.

Слѣдующая подгруппа разсматриваемыхъ нами цѣлей охватываетъ цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду до-

ставленіе челоуѣкомъ самому себѣ счастья. Сюда относится стремленіе ко всему тому, что намъ приноситъ удовольствіе или избавляетъ отъ страданія, стремленіе къ обладанію какимъ-либо предметомъ или къ совершенію какой-либо дѣятельности исключительно только во имя этого мотива. Этотъ мотивъ играетъ большую роль въ жизни ребенка и сохраняетъ свое значеніе и въ жизни взрослоу. Самъ по себѣ, какъ безобидное стремленіе къ счастью, этотъ мотивъ не представляетъ ничего преступнаго и опаснаго. Каждое существо имѣетъ право на счастье и никакихъ нѣтъ основаній кому бы то ни было запрещать стремиться къ нему. Опаснымъ дѣлается этотъ мотивъ только тогда, когда онъ становится исключительнымъ, получаетъ господство надъ всѣми другими мотивами и вытѣсняетъ ихъ совершенно. Существенно важнымъ, поэтому, представляется обращать вниманіе ребенка даже съ малыхъ лѣтъ на тѣ ограниченія, которымъ должно подлежать стремленіе къ счастью для того, чтобы впослѣдствіи оно не переходило за предѣлы, за которыми оно начинаетъ становиться грубымъ ненавистнымъ эгоизмомъ. И здѣсь надо стараться также о томъ, чтобы личное счастье служило для челоуѣка стимуломъ къ умноженію счастья среди другихъ людей, чтобы на счастье челоуѣкъ смотрѣлъ какъ на одно изъ средствъ наиболее успешной и плодотворной работы среди челоуѣчества и для челоуѣчества, какъ на одно изъ условій поднятія энергіи жизни и труда. Если надо существовать и жить и, слѣдовательно, заботиться о самосохраненіи для того, чтобы имѣть возможность работать для другихъ, то надо быть счастливымъ и, слѣдовательно, надо до нѣкоторой степени стремиться къ полученію удовольствій и избѣжанію страданій, чтобы имѣть возможность болѣе энергично, болѣе успешно и болѣе плодотворно работать для другихъ людей. Вотъ та точка зрѣнія, съ какой надо приучить челоуѣка смотрѣть

на стремленіе къ счастью. Становясь на эту точку зрѣнія, онъ всегда усмотритъ тотъ предѣль, за которымъ личное счастье становится недозволеннымъ, и никогда не допуститъ себя перешагнуть за этотъ предѣль. Зачѣмъ безъ нужды дѣлать жизнь свою мрачной и обращаться въ аскета. Аскетизмъ и мрачность вовсе не составляютъ лучшаго средства для поднятія энергіи труда. Человѣкъ, жизнь котораго свѣтла и полна радостей, лучше пойметъ значеніе счастья въ жизни другихъ людей и съ бѣльшей охотой будетъ работать, чтобы сдѣлать жизнь этихъ людей краше. Когда мы чрезмѣрно счастливы, какъ это бываетъ, напр., тогда, когда мы впервые познакомились съ сладкимъ чувствомъ взаимной любви, то намъ хочется осчастливить весь міръ, всѣ люди намъ кажутся братьями, каждого мы готовы прижать отъ избытка чувствъ къ своему сердцу и сдѣлать ему что-нибудь хорошее. Если только вы стараетесь развить въ ребенкѣ нравственные стремленія, то, повѣрьте, что счастье, если даже оно будетъ составлять одну изъ цѣлей его дѣятельности, не можетъ оказать на него вреднаго вліянія, оно заставитъ его только любовнѣе смотрѣть на міръ и людей. Но, конечно, если вы на развитіе нравственныхъ стремленій не обращаете вниманія, если вы не внушаете ему постоянно ту мысль, что онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы составить съ человечествомъ и міромъ одно гармоническое цѣлое, чтобы его жизнь стала однимъ изъ условій развивающейся жизни человечества, — если вы, наоборотъ, укрѣпляете его въ томъ убѣжденіи, что его интересы противоположны интересамъ человечества и что гармоніи между тѣми и другими не можетъ быть по самому существу, — тогда, поддерживая въ немъ стремленіе къ счастью, вы рискуете воспитать изъ него узкаго и черстваго эгоиста.

Перейдемъ теперь къ третьей подгруппѣ разсматриваемыхъ нами цѣлей, охватывающихъ стремленіе къ

самосовершенствованію и саморазвитію. Это уже цѣли болѣе высокаго порядка, чѣмъ стремленіе къ счастью. Можно показать, впрочемъ, что стремленіе къ саморазвитію есть только одна изъ болѣе высокихъ формъ, которыя принимаетъ стремленіе къ счастью. Человѣкъ получаетъ удовольствіе не только вслѣдствіе обладанія тѣми или другими предметами, но существеннымъ образомъ отъ тѣхъ или другихъ дѣятельностей, отъ работы тѣхъ или другихъ органовъ своего тѣла. Каждый органъ, если онъ долго находился въ покоѣ, представляетъ какъ бы накопленную активность, которая требуетъ своего обнаруженія и обнаруженіе которой сопровождается высокимъ чувствомъ удовольствія. Но, дѣйствуя, органъ упражняется и становится вслѣдствіе этого болѣе совершеннымъ. Дѣятельность является однимъ изъ основныхъ источниковъ счастья человѣка. Первоначально на долю человѣка выпадаетъ это счастье только вслѣдствіе чисто случайнаго обнаруженія какой либо дѣятельности, безъ всякой преднамѣренности съ его стороны, благодаря только тому давленію, которое оказываетъ на него накопленная активность въ той или другой части его организма. Но, когда человѣкъ начинаетъ подмѣчать получающійся въ силу такой дѣятельности результатъ, состоящій въ совершенствованіи тѣхъ или другихъ органовъ его организма и самаго организма, какъ цѣлаго, дѣятельность его изъ случайной становится всё болѣе и болѣе систематической, и совершенствованіе организма, развитіе его выдвигается на передній планъ, какъ одна изъ цѣлей волевой дѣятельности человѣка. Не надо предполагать, что эта цѣль должна принять только характеръ фізіологическаго совершенствованія организма, такъ какъ на ряду съ дѣятельностями чисто фізіологическаго характера существуютъ также дѣятельности, которыя не утрачивая своего фізіологическаго характера, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и психическое значеніе. То, что съ фізіологиче-

ской точки зрѣнія представляетъ совершенствованіе мозгового аппарата; съ психической точки зрѣнія является, какъ развитіе сознанія.

Самосовершенствованіе и саморазвитіе представляютъ опять таки одну изъ тѣхъ цѣлей, которыя сохраняютъ свое значеніе въ теченіе всей человѣческой жизни, но никогда, быть можетъ, они не получаютъ такого преобладанія, какъ въ юношескомъ возрастѣ. Требуя со стороны человѣка систематическихъ усилій, эти цѣли представляютъ прекрасную школу для развитія воли, для приученія человѣка къ обдуманной планомѣрной дѣятельности. Здѣсь человѣкъ научается быть творцомъ самого себя, лучшаго себя, чѣмъ онъ есть, для того, чтобы впослѣдствіи стать творцомъ новыхъ общественныхъ формъ и новаго человѣчества. Только научившись создавать новаго человѣка внутри себя, человѣкъ можетъ считать себя пригоднымъ для созданія новаго человѣчества и новаго общества; только научившись систематически работать надъ своимъ саморазвитіемъ, человѣкъ будетъ въ состояніи примѣнить свои усилія къ плодотворной, цѣлесообразной работѣ надъ развитіемъ соціальной и общечеловѣческой жизни. Саморазвитіе составляетъ необходимую подготовительную школу для широкой общественной дѣятельности. Прошедшій эту школу будетъ лучше и болѣе успѣшно работать, чѣмъ не прошедшій ея.

И здѣсь надо также обращать вниманіе на то, чтобы это стремленіе къ саморазвитію не приняло характера исключительной цѣли и не перешло за тѣ предѣлы, когда оно начинаетъ пріобрѣтать эгоистическій оттѣнокъ и ведетъ къ самолюбованію и къ самоуслажденію. Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для другихъ, если счастливымъ надо быть для того, чтобы съ бѣльшей энергіей работать для другихъ, то развитымъ и совершеннымъ надо быть для того, чтобы болѣе совершеннымъ образомъ, болѣе произво-

дительно работать для этихъ другихъ людей. Эту послѣднюю мысль надо постоянно внушать человѣку, заботящемуся о своемъ саморазвитіи. Надо постоянно говорить ему: „Стремись быть болѣе совершеннымъ, развивай самого себя, но дѣлай это всё не исключительно только ради самого себя, а для того, чтобы впослѣдствіи стать болѣе совершеннымъ и умѣлымъ служителемъ добра и правды на широкой нивѣ общечеловѣческой жизни. Совершенствуй себя и развивай свои силы, чтобы достигнувъ высшей возможной степени совершенства и развитія посвятить себя на великое дѣло установленія гармоніи среди человѣчества. Это дѣло требуетъ многихъ работниковъ и чѣмъ искуснѣе работникъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его работа въ этомъ отношеніи. Заботясь о своемъ саморазвитіи всегда помни, что ты это дѣлаешь не для того, чтобы когда нибудь впослѣдствіи поднять гордо голову и сказать окружающимъ тебя людямъ: глядите на меня, любуйтесь мною, поклоняйтесь мнѣ, посмотрите, какъ я поднялся высоко до предѣловъ божественнаго!.. Нѣтъ, а для того, чтобы скромно стать въ ряды труженниковъ на общее дѣло, чтобы свои болѣе совершенныя силы соединить съ силами другихъ на благо человѣчества“. Если въ своихъ стремленіяхъ къ саморазвитію человѣкъ не упускаетъ изъ виду того общественнаго значенія, которое имѣютъ эти стремленія, то кромѣ благотворныхъ результатовъ не можетъ получиться рѣшительно ничего.

Обратимся теперь къ той группѣ цѣлей, въ которой чѣловѣкъ центръ тяжести своихъ стремленій помѣщаетъ внѣ себя. Эти цѣли равнымъ образомъ могутъ быть разбиты на три подгруппы: 1) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *содѣйствіе самосохраненію другихъ живыхъ существъ*, главнымъ образомъ людей; 2) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ* и 3) на цѣли, главный

предметъ которыхъ составляютъ заботы, направленные на *развитіе и совершенствованіе окружающихъ насъ людей* или на доставленіе имъ возможности развитія и совершенствованія. Каждая изъ этихъ подгруппъ въ свою очередь допускаетъ подраздѣленіе, въ зависимости отъ количества живыхъ существъ, на которыя данная цѣль распространяется.

Такимъ образомъ, напр., что касается содѣйствія самосохраненію другихъ живыхъ существъ, то оно можетъ распространяться на небольшую группу живыхъ существъ, какъ-то семью, кружокъ друзей или товарищей и т. д., можетъ касаться такой большой группы, какъ, напр., извѣстнаго народа и можетъ, наконецъ, относиться ко всему человѣчеству.

Цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствовать самосохраненію членовъ, составляющихъ данный семейный союзъ, сводятся приблизительно къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) заботы о доставленіи семьѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію, 2) заботы о гигиенической обстановкѣ и гигиеническихъ условіяхъ домашней жизни (сюда включается веденіе домашняго хозяйства, заботы о гигиенической квартирѣ, о снабженіи всѣхъ членовъ семьи гигиеническою одеждою, о доставленіи имъ гигиенической пищи, о пріобрѣтеніи ими тѣхъ или другихъ привычекъ, сообразныхъ съ требованіями гигиены и т. д.) и 3) заботы о томъ, чтобы члены семьи были какъ можно тѣснѣе сплочены другъ съ другомъ. Послѣднее составляетъ необходимое условіе для самосохраненія семьи, какъ цѣлаго, и для болѣе успѣшнаго самосохраненія cadaго изъ ея членовъ.

Если содѣйствіе самосохраненію распространяется на болѣе широкій кругъ, напр. на извѣстный народъ, то оно сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: 1) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ, какъ цѣлое, располагалъ наибольшею суммою матеріальныхъ средствъ,

наибольшимъ количествомъ сырыхъ матеріаловъ и наибольшимъ количествомъ орудій труда для обезпеченія своего экономическаго существованія; 2) къ заботѣ о томъ, чтобы производимыя народомъ богатства были распредѣлены равномерно, такъ чтобы каждый имѣлъ возможность устроить свою жизнь сообразно съ требованіями гігіены, чтобы у каждаго была хорошая квартира, хорошая одежда и хорошая пища и чтобы каждый могъ усвоить себѣ навыки, соотвѣтствующія гігіеническому образу жизни. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ дѣйствительно представлялъ изъ себя одно тѣсно сплоченное политическое цѣлое, которое съ наибольшею солидарностью всѣхъ своихъ членовъ соединяло бы наибольшую самодѣятельность каждаго изъ нихъ, потому что только подобный политическій союзъ можетъ быть въ наибольшей степени способенъ какъ къ сохраненію самаго себя, такъ и къ сохраненію каждаго изъ своихъ членовъ среди окружающихъ неблагопріятныхъ условій.

Если теперь мы предположимъ, что содѣйствіе самосохраненію распространилось на все человѣчество, то эта общая цѣль сведется приблизительно къ слѣдующимъ задачамъ: 1) къ заботѣ о наибольшемъ развитіи матеріальныхъ средствъ производства, о наибольшемъ подъемѣ производительности физическаго труда и связанномъ съ нимъ наибольшемъ производствѣ матеріальныхъ богатствъ; 2) къ заботѣ о равномерномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ между отдѣльными народами и отдѣльными лицами, ихъ составляющими, распредѣленіи, которое давало бы каждому возможность обезпечить свое матеріальное существованіе и предохранить себя отъ гибели среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы сплотить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ гармонически между со-

бою связанныхъ людей, въ которомъ сила ни одного бы человѣка не пропадала напрасно, будучи парализована прямою или косвенною борьбою съ силою другого человѣка, но въ которомъ бы силы всѣхъ людей соединились вмѣстѣ для послѣдней и окончательной борьбы и побѣды человѣка надъ природою. Результатомъ такой планомѣрной и сознательной борьбы всего человѣчества съ природою будетъ достиженіе такихъ условій, которыя въ наибольшей мѣрѣ способны обезпечить какъ самосохраненіе отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества. Но борьба съ природою въ сущности сведется къ отысканію тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ между человѣкомъ и природою могла бы быть достигнута наибольшая кооперация и гармонія. Поэтому борьба человѣчества съ природою въ конечномъ итогѣ своемъ будетъ имѣть гармоническій союзъ всего человѣчества съ природою, или, выражаясь иначе, достиженіе *всеобщей міровой гармоніи*, составляющей самый высшій идеаль, до котораго только можетъ подняться религіозное или метафизическое творчество.

Слѣдующая подгруппа разбираемыхъ нами цѣлей охватываетъ всѣ цѣли, предметомъ которыхъ является доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ. Она также дробится въ зависимости отъ количества и характера людей, которые имѣются въ виду при преслѣдованіи означенныхъ цѣлей. Если дѣло идетъ о той небольшой группѣ людей, которая называется семьею, то цѣли, предметъ которыхъ составляетъ доставленіе счастья, могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи: 1) заботу о томъ, чтобы каждый членъ семьи имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, склонностямъ и вкусамъ, потому что въ подобномъ удовлетвореніи существеннымъ образомъ и заключается счастье человѣка; 2) стремленіе устроить семейную жизнь такимъ образомъ, чтобы она влекла

за собою какъ можно менѣе ограниченій для каждаго изъ членовъ семьи, потому что, чѣмъ менѣе ограниченій налагается на жизнь каждаго, чѣмъ она свободнѣе, тѣмъ болѣе она полна радостей и счастья; 3) заботу о томъ, чтобы семья являлась настолько сплоченнымъ и солидарнымъ цѣлымъ, чтобы всякое событіе, случающееся съ однимъ изъ членовъ семьи находило свой откликъ во всѣхъ остальныхъ. Тогда радость каждаго переживается всѣми, а это ведетъ къ еще большому умноженію счастья въ семьѣ.

Если мы возьмемъ ту болѣе широкую группу людей, которая называется народомъ, то въ отношеніи нея для отдѣльной личности могутъ быть намѣчены слѣдующія цѣли: 1) стремленіе создать такой общественный порядокъ, который давалъ бы каждому члену общества возможность въ наибольшей степени удовлетворять всѣ свои потребности, а также слѣдовать всѣмъ своимъ склонностямъ и вкусамъ, насколько, конечно, эти послѣдніе совмѣстимы съ нормальнымъ, здоровымъ развитіемъ человѣческой природы; 2) стремленіе, чтобы этотъ общественный порядокъ въ наименьшей степени ограничивалъ свободу каждаго; 3) стремленіе настолько сплотить общество, чтобы оно являлось чуткимъ къ страданіямъ и радостямъ каждаго изъ своихъ членовъ. Широкая симпатія между членами общества есть условіе для наибольшей суммы счастья въ немъ.

Если, наконецъ, стремленіе доставить людямъ счастье распространится на все человѣчество, то мы получимъ слѣдующія задачи: 1) стремленіе объединить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ людей, ставящій своей главною цѣлью удовлетвореніе всѣхъ потребностей каждаго изъ своихъ членовъ; 2) стремленіе, чтобы подобный союзъ наряду съ наибольшею солидарностью и съ наибольшимъ развитіемъ взаимной симпатіи соединялъ наименьшее ограниченіе свободы

каждаго чловѣка и доставлялъ бы каждому изъ своихъ членовъ наибольшую возможную сумму счастья. Когда чловѣчество достигнетъ этой цѣли, то, быть можетъ, оно поставитъ своей задачей — достиженіе такого мірового порядка, при которомъ бы каждое живое существо имѣло возможность достигнуть наибольшей полноты счастья.

Намъ остается теперь только рассмотретьъ тѣ цѣли, главный предметъ которыхъ составляетъ содѣйствіе развитію и совершенствованію другихъ людей. Начнемъ съ семьи. Общая цѣль — содѣйствіе развитію — разбивается здѣсь на слѣдующія частныя задачи: 1) содѣйствіе развитію своихъ дѣтей, воспитаніе и образованіе ихъ; 2) содѣйствіе взрослымъ членамъ семьи въ ихъ стремленіяхъ къ дальнѣйшему совершенствованію себя, къ пополненію и продолженію своего образованія и т. д.; 3) содѣйствіе къ созданію такого взаимодѣйствія между отдѣльными членами семьи, которое давало бы возможность каждому изъ нихъ достигнуть наибольшей возможной степени развитія и совершенства и которое обратило бы семью въ солидарный союзъ лицъ, взаимно помогающихъ другъ другу въ дѣлѣ совершенствованія и развитія.

Если содѣйствіе развитію распространяется на большую группу, напр., на народъ, то возникаютъ слѣдующія задачи: 1) содѣйствіе развитію и совершенствованію молодого поколѣнія даннаго народа, правильному его воспитанію и образованію; 2) доставленіе взрослому поколѣнію этого народа возможности и средствъ продолжать свое развитіе и совершенствованіе, пріобрѣтать новыя научныя знанія, расширять свой умственный кругозоръ и т. д. Наконецъ, 3) созданіе такихъ общественныхъ условій, такая реорганизація общественной жизни, которая дала бы возможность каждому достигнуть наибольшей возможной степени развитія. Не только, напр., низшее образо-

ваніе должно стать всеобщимъ и для всѣхъ доступнымъ, но таковымъ должно стать также и высшее образованіе и среднее. При этомъ здѣсь предполагается также стремленіе такъ видоизмѣнить существующія воспитательныя и образовательныя высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, чтобы они дѣйствительно способствовали развитію своихъ питомцевъ и ихъ совершенствованію, а не порождали бы часто совершенно противоположныхъ результатовъ.

Предположимъ теперь, что предметомъ заботъ отдѣльной личности становится всё человѣчество, тогда она будетъ имѣть передъ собою слѣдующія задачи: 1) объединеніе всего человѣчества въ широкій солидарный союзъ свободныхъ людей, соединенныя усилія которыхъ были бы направлены самымъ цѣлесообразнымъ и успѣшнымъ образомъ на воспитаніе и развитіе молодого поколѣнія, такъ чтобы каждый членъ этого молодого поколѣнія могъ достигнуть наибольшей полноты развитія и совершенства, допускаемой егѡ природными задатками, чтобы ни одна способность, ни одно дарованіе не заглохла, а получили бы возможность развернуться пышнымъ цвѣтомъ; 2) созданіе такихъ формъ общенія и взаимодействія среди объединеннаго человѣчества, которыя давали бы возможность и каждой взрослой личности продолжать непрерывно своё развитіе и совершенствованіе, давали бы возможность каждому достигать и быть идеальнымъ образцомъ человѣческаго типа, чтобы человѣчество стало союзомъ развитыхъ и совершенныхъ людей, продолжающихъ подниматься на всё болѣе высокія ступени развитія и совершенства, благодаря той широкой гармоніи и коопераціи, которая существуетъ между ними. Когда человѣчество станетъ такой совершенной коопераціей людей для всеобщаго взаимнаго развитія и совершенствованія, тогда, быть можетъ, передъ нимъ возникнетъ новая задача: содѣйствовать

развитію и совершенствованію каждаго живого существа и цѣлый міръ пересоздать по образу и подобію того, что человѣчеству удалось устроить внутри самого себя. Тогда, быть можетъ, человѣчество будетъ стремиться сдѣлать всю вселенную всеобщимъ гармоническимъ союзомъ всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго ихъ совершенствованія и развитія. Борьба за существованіе и антагонизмъ интересовъ уступятъ мѣсто всеобщей коопераціи и гармоніи, и прогрессъ, всеобщій, непрерывный, сознательный и систематическій прогрессъ всѣхъ живыхъ существъ и ихъ социальныхъ сочетаній другъ съ другомъ — составитъ высшій незыблемый законъ этого обновленнаго міра, этой новой Вселенной. Дальше этого не можетъ подниматься мечта современнаго человѣка. Многіе назовутъ, пожалуй, это бреднями и посмѣются надъ подобными фантазіями, но, по нашему мнѣнію, эти фантазіи имѣютъ тѣмъ не менѣе большое значеніе. Онѣ составляютъ остаточную форму того, что метафизика заключаетъ въ себѣ прочнаго, хорошаго, здороваго. Метафизическая потребность, какъ попытка отдать себѣ отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣетъ наша жизнь въ безпредѣльной жизни всего міра, никогда не умретъ, да было бы и печально, если бы она умерла. Никто не говоритъ, чтобы вы отвлекались отъ практическихъ жизненныхъ интересовъ, чтобы вы игнорировали текуція „злобы дня“, которыя каждый шагъ вашего существованія приносятъ вамъ. Это — неоспоримая истина, что мы живемъ на землѣ и что каждому дню „довлѣетъ злоба его“, но развѣ надъ нами не раскинулось также безпредѣльное небо, развѣ наша мысль не способна охватить въ своемъ смѣломъ полетѣ не только кратковременное поприще нашей мимолетной и недолгой жизни, но и жизнь человѣчества въ его безпредѣльномъ развитіи. Жизнь будетъ не полна, если мы будемъ исключительно только гля-

дѣтъ на землю, на то, что находится подъ нашими ногами, и откажемся взглянуть на свѣтлое небо, на тѣ широкія безпредѣльныя перспективы, которыя мысль человѣка открываетъ передъ нимъ. Зачѣмъ суживать свой горизонтъ и произвольно ограничивать поле своего зрѣнія, зачѣмъ воздерживаться отъ попытки болѣе широко взглянуть на свою жизнь? Не бойтесь, подобная попытка не повредитъ вашей практической дѣятельности, не отвлечетъ васъ отъ вашихъ земныхъ дѣлъ и нуждъ, но, быть можетъ, дастъ вамъ возможность легче переносить бремя жизни и бодрѣе двигаться впередъ къ лучшему будущему среди разныхъ житейскихъ неудачъ.

На этомъ мы и заключимъ свой обзоръ цѣлей, который, конечно, далеко не полонъ и не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ цѣлей. Но, какъ мы указывали уже это ранѣе, наша классификація имѣетъ только примѣрное значеніе и мы нисколько не претендуемъ на ея полноту. Заканчивая свой настоящій трудъ, мы коснемся здѣсь только еще одной стороны нравственнаго развитія, относительно которой до сихъ поръ нами ничего не было сказано. Мы отмѣтили ту важность, которую имѣетъ для выработки нравственной воли развитіе способности представленія. Но наряду съ интеллектуальнымъ моментомъ не менѣе важную роль въ нравственности играетъ и моментъ эмоціональный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи фундаментомъ этическаго развитія должна служить *нравственная любовь*.

Какъ описать и охарактеризовать это чувство? Мы бы опредѣлили его такъ: этическая любовь есть такое чувство гармоніи человѣка съ человѣкомъ, при которомъ одинъ человѣкъ сливается духовно съ другимъ человѣкомъ въ одно цѣлое настолько, что становится способнымъ желать блага, счастья и развитія этого другого человѣка ради него самого, а не ради

себя, безъ всякихъ даже соображеній о томъ, что воспослѣдуетъ отъ этого лично для себя. Развить такое чувство какъ въ себѣ, такъ и въ дѣтяхъ очень трудно, а еще труднѣе достигнуть того, чтобы это чувство сдѣлалось руководящимъ нашимъ стимуломъ во всѣ моменты нашей жизни, а не вспыхивало бы въ насъ только какъ яркій огонекъ, при исключительныхъ условіяхъ. Какъ часто бываетъ, что вспыхнетъ на минуту въ душѣ огонь этой свѣтлой страсти и потухнетъ, и въ душѣ воцаряется страшная тьма, подъ покровомъ которой выползаютъ изъ разныхъ закоулковъ души всевозможные гады въ образѣ низменныхъ желаній и начинаютъ безконтрольно и безшабашно въ ней хозяйничать до тѣхъ поръ, пока внезапно опять не вспыхнетъ свѣтлый огонекъ и всѣ отвратительныя чудовища, терзавшія нашу душу, не разбѣгутся въ страхъ и трепетъ въ разныя стороны. Вотъ и надо, чтобы этотъ огонекъ, который загорается въ насъ только временами, могъ бы всегда въ насъ горѣть ровнымъ, никогда не ослабѣвающимъ пламенемъ, такъ чтобы тѣ чудовища, о которыхъ мы говорили, не находя пищи и простора для своей дѣятельности, мало-по-малу и незамѣтно умерли, не оставивъ въ душѣ никакого слѣда.

Первое необходимое условіе для развитія нравственной любви заключается въ томъ, чтобы научить человека разсматривать себя не какъ нѣчто изолированное отъ всего окружающаго міра и противостоящее ему, но какъ составляющее съ этимъ міромъ одно цѣлое. Надо, чтобы человекъ научился во всѣхъ актахъ своей жизни становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, чтобы мѣстоименіе „мы“ („для насъ“) играло въ его сознаніи болѣе значительную роль, чѣмъ мѣстоименіе „я“ („для меня“), во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ преслѣдуетъ тѣ или другія цѣли. Но здѣсь мы должны отвѣтить на

одно весьма важное возраженіе, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Намъ скажутъ, „развитіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ связано съ развитіемъ въ немъ самосознанія, съ высшею выработкою въ немъ того, что называется личностью. Стараясь приучить его разсматривать себя составляющимъ съ міромъ одно цѣлое, вы подрываете въ немъ развитіе личности и самосознанія и тѣмъ самымъ уничтожаете въ немъ одно изъ необходимыхъ условій для развитія нравственныхъ стремленій“. Вотъ то противорѣчіе, на которое могутъ обратить наше вниманіе: одно необходимое условіе для развитія въ человѣкѣ нравственности, повидимому, совершенно устраняетъ и дѣлаетъ невозможнымъ другое такое же необходимое условіе. Но именно только повидимому, и указанное противорѣчіе есть не болѣе какъ мнимое: развитіе въ человѣкѣ самосознанія и личности нисколько не уничтожаетъ необходимости развивать въ немъ привычку разсматривать себя съ человѣчествомъ, какъ одно цѣлое. Самосознаніе вовсе не обозначаетъ противоположенія индивидуума всему остальному міру или человечеству; можно было бы даже опредѣлить его просто, какъ сознаніе того мѣста, которое индивидуумъ, какъ часть, занимаетъ въ обширномъ цѣломъ, называемомъ нами человечествомъ или міромъ. Стараться приобрести себѣ наибольшее сознаніе о мірѣ, стараться понять, какъ это „Великое Цѣлое“ дробится на отдѣльныя взаимно-связанныя части и стараться изъ этихъ отдѣльныхъ частей понять прежде всего именно тѣ, которыя намъ наиболѣе всего доступны, т. е. самихъ себя, не значить-ли это работать въ тоже время на пути выработки въ себѣ наибольшей возможной степени самосознанія и личности. Личность я бы опредѣлилъ, какъ часть этого цѣлага, сознавшую свою роль, мѣсто и назначеніе въ немъ и стремящуюся всё это сознательно осуществить на дѣлѣ. Такимъ образомъ, для развитія

самосознанія и выработки личности необходимо, болѣе чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ, развитіе способности становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкой группы существъ. Личность, достигшая высшей степени самобытности, самосознанія и свободы будетъ въ тоже время и личностью, которая въ наибольшей степени чувствуетъ свое глубокое родство съ безпредѣльной жизнью всего человѣчества и міра, которая связана съ этою жизнью самыми тѣсными и неразрывными нитями, которая живетъ съ человѣчествомъ и міромъ одною общею жизнью, которая въ работѣ надъ улучшеніемъ, возвышеніемъ и облагороженіемъ міровой и общечеловѣческой жизни находитъ для себя высшую цѣль и для которой маленькое мѣстоименіе „я“ утратило свое прежнее значеніе, ставъ въ ея глазахъ выраженіемъ человѣческой гордости, заносчивости и эгоизма. Каждый человѣкъ нашего поколѣнія долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить тѣ заставы, перегородки и каменные стѣны, которыя ложное воспитаніе и унаслѣдованныя предразсудки воздвигли между нимъ и его ближними, между нимъ и міромъ. Какъ много стѣнъ ему придется сломать, сколько упорной работы, и среди этихъ стѣнъ какъ много—изукрашенныхъ цвѣтами его чувства и фантазіи и разрушить которыя онъ можетъ только съ болью сердца! Сколько милыхъ, дорогихъ сердцу предразсудковъ, съ которыми ему, быть можетъ, придется разстаться, обливъ ихъ слезами! Послѣ, оглядываясь на пройденный путь, онъ будетъ удивляться этимъ слезамъ, но въ свое время онѣ были выраженіемъ живого реальнаго горя, такъ какъ душѣ приходилось переживать страшную ломку всѣхъ прежнихъ коренныхъ устоевъ.

Чтобы воспитать въ человѣкѣ привычку разсматривать себя, какъ составляющаго съ міромъ и человѣчествомъ одно цѣлое, надо пользоваться для этого вся-

кимъ представляющимся случаемъ. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи съ міромъ и человѣчествомъ, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокіе корни въ нашемъ мышленіи, надо такъ приучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частномъ, индивидуальномъ и особенномъ, она прежде всего старалась бы понять то мѣсто, которое данный индивидуальный фактъ занимаетъ въ общемъ строѣ міровой жизни. Въ насъ, напротивъ того, преобладаетъ другая черта: задумываясь надъ извѣстными частными явленіями, мы разсматриваемъ ихъ обыкновенно изолированно и рѣдко стараемся понять ихъ мѣсто въ общемъ потокѣ явленій и оцѣнить ихъ значеніе въ эволюціи міровой жизни. Пока не измѣнятся привычки нашего мышленія въ этомъ отношеніи, трудно рассчитывать на то, чтобы измѣнились существенно и способы нашей практической дѣятельности. Теоретическій способъ отношенія къ міру и жизни, проявляется-ли онъ въ методическомъ-научномъ или въ наивномъ обыденномъ мышленіи, играетъ рѣшающее значеніе въ отношеніи человѣческаго поведенія. Высказывая эту мысль, я подразумеваю не тотъ фактъ, что извѣстное міросозерцаніе имѣетъ опредѣленное вліяніе на наши поступки, а тотъ, что еще большее вліяніе имѣютъ самые пріемы мысли, и если вы хотите достигнуть дѣйствительно глубокихъ переворотовъ въ области человѣческаго поведенія, то направьте свои удары не на то или другое міросозерцаніе, а на тѣ или другіе пріемы и способы мышленія. Если человѣкъ научится всегда, когда бы ему не приходилось примѣнять свою мысль, становиться на точку зрѣнія всего міра, какъ цѣлаго, то повѣрьте, что и практически, въ своей дѣятельности, въ своемъ поведеніи, онъ перестанетъ себя раздѣлять отъ человѣчества и міра и будетъ дѣйствовать такъ, какъ если бы онъ составлялъ съ человѣчествомъ и міромъ одно

неразрывное цѣлое. Но, чтобы измѣнить способы и приемы мышленія—въ этомъ отношеніи еще очень много придется сдѣлать. Міросозерцанія легче мѣняются, чѣмъ приемы мышленія, но оттого менѣе значительно и ихъ вліяніе на поведеніе человѣка. Привить людямъ тѣ или другія идеи гораздо легче, чѣмъ воспитать въ нихъ правильный способъ теоретическаго отношенія къ явленіямъ жизни.

При воспитаніи въ ребенкѣ привычки и способности становится на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ въ данную минуту, надо слѣдовать слѣдующему правилу. Понятіе о томъ цѣломъ, на точку зрѣнія котораго ребенокъ становится, должно быть расширяемо только постепенно въ связи съ ростомъ умственныхъ способностей ребенка. Съ развитіемъ этихъ способностей ребенокъ дѣлается въ состояніи становится на точку зрѣнія все болѣе и болѣе широкаго цѣлаго, но каждый разъ надо заботиться о томъ, чтобы онъ становился на точку зрѣнія того цѣлаго, о которомъ онъ имѣетъ ясное представленіе и которое имѣетъ для него то или другое конкретное реальное значеніе. Иначе понятіе о цѣломъ, часть котораго онъ составляетъ, сведется для него на звукъ пустой и не будетъ имѣть никакого благотворнаго воспитательнаго вліянія. Напр., въ первое время ему можетъ быть ясно и понятно только, что онъ составляетъ одно цѣлое со своею матерью, потомъ онъ научится включать сюда отца, братьевъ, сестеръ и т. д. Только уже въ самомъ зрѣломъ возрастѣ на известной высотѣ научнаго и философскаго развитія, вооруженный богатымъ запасомъ знаній о природѣ и историческомъ развитіи человѣчества, человѣкъ научается становится на точку зрѣнія всего міра и всего человѣчества. Но это—вершина, подниматься до которой приходится черезъ множество промежуточныхъ ступеней. Главный вопросъ въ томъ и

заключается, чтобы опредѣлить эти послѣдовательныя ступени такъ, какъ онѣ намѣчаются соотвѣтственно съ естественнымъ развитіемъ умственныхъ способностей ребенка.

Для того, чтобы еще болѣе ярко оттънить, чѣмъ тотъ способъ мышленія, о которомъ мы выше говорили и который составляетъ необходимый фундаментъ для развитія въ насъ нравственной любви, разнится отъ обычнаго обыденнаго, возьмемъ конкретный примѣръ. Представьте себѣ, что передъ вами находится какое-нибудь другое живое существо, напр., человѣкъ, и что вы думаете о немъ. Какимъ образомъ можетъ направиться при этомъ ваша мысль? Вы можете обратить вниманіе на его наружность, носъ, глаза, очертаніе лица, походку, на его костюмъ, способъ разговора и т. д. и составивъ такимъ образомъ себѣ понятіе о немъ, какъ опредѣленномъ индивидуумѣ, этимъ ограничиться. Но можно пойти и дальше, можно не ограничиться мыслью о данномъ человѣкѣ, какъ индивидуально-изолированномъ фактѣ, но спросить себя, какое значеніе этотъ человѣкъ имѣетъ для остального міра людей и не могла-ли бы жизнь его быть болѣе плодотворна въ этомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ мысль о другомъ человѣкѣ не вызоветъ съ вашей стороны никакого практическаго дѣйствія, во второмъ случаѣ она повлечетъ за собою цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать жизнь этого другого человѣка болѣе плодотворной для человѣчества, чтобы сдѣлать жизнь его болѣе богатой, цѣнной и содержательной. Конечно, передъ вами проходятъ ежедневно тысячи людей и нѣтъ возможности такимъ образомъ задуматься о каждомъ, но съ нѣкоторыми изъ этихъ людей вы встрѣчаетесь болѣе часто и вступаете въ болѣе близкія отношенія и, вотъ, думая объ этихъ то людяхъ, ваша мысль должна работать въ указанномъ направленіи. Однимъ словомъ, думая объ

извѣстномъ человѣкѣ, какомъ бы то ни было, надо, насколько это допускаютъ наши свѣдѣнія о немъ, стараться понять его значеніе въ жизни всего человѣчества, надо разсматривать его не какъ изолированнаго индивидуума, а какъ члена общества, какъ часть большого цѣлаго, называемаго человѣчествомъ. Если бы мы были искренними, — то должны были бы откровенно сознаться, что очень рѣдко и очень мало думаемъ объ общечеловѣческой цѣнности каждой человѣческой жизни и о тѣхъ средствахъ, какими эту цѣнность можно было бы возвысить. Вся бѣда въ томъ, что люди насъ или вовсе не интересуютъ, или интересуютъ исключительно только взятые въ своей индивидуальной оболочкѣ. О людяхъ же, какъ возможныхъ плодотворныхъ работникахъ на пользу человѣчества мы рѣдко когда думаемъ. Но если вы хотите воспитать въ себѣ не безразличное отношеніе къ людямъ и если вы хотите, чтобы ваше чувство къ нѣкоторымъ членамъ человѣчества не носило исключительно только чисто личнаго и субъективнаго характера и не имѣло бы видъ лишь пристрастія, старайтесь о каждомъ человѣкѣ вообще, а о близкихъ и дорогихъ вамъ въ особенности, думать, какъ о возможныхъ служителяхъ добра и правды, какъ о свободныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ увеличенія среди человѣчества солидарности и свободы. Если вы научитесь подобнымъ образомъ смотрѣть на cadaго человека, то вы тогда дѣйствительно воспитаете въ себѣ способность любить человека тою высшею нравственною любовью, выше которой ничего быть не можетъ; вы научитесь любить его ради него самого и ради человѣчества. Въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ вы будете любить все человѣчество и отъ этого ваша любовь къ данному лицу пріобрѣтетъ болѣе свѣтлый, широкій и благородный характеръ. Да не подумаютъ, что мы хотѣли бы уничтожить личныя чувства и личныя привязанности и интересъ ко всякому человѣку

именно какъ къ особенному индивидууму, со своей индивидуальной фizioноміей и со своимъ особеннымъ складомъ жизни. Мы далеки отъ всякой подобной мысли; напротивъ того, мы признаемъ большое значеніе за личнымъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ. Все, на чемъ мы настаиваемъ, это—что бы человекъ научился не застывать и не останавливаться исключительно только на индивидуальномъ, но постоянно стремился бы свои мысли, чувства и дѣйствія, имѣющія субъективный, личный характеръ, связывать съ мыслями, чувствами и дѣйствіями, предметомъ которыхъ является все человечество. Наши личные чувства отъ этого не потерпятъ никакого ущерба, но станутъ только шире, свѣтлѣе и чище. Мечтать же объ уничтоженіи всего личнаго, всего, носящаго индивидуальный оттѣнокъ, стремиться индивидуума цѣликомъ безъ остатка растворить въ общемъ, — значитъ работать противъ началъ самой жизни, значитъ вмѣсто жизни сѣять всюду смерть и разложеніе. Главная задача наша въ томъ именно и заключается, чтобы наибольшее развитіе всего личнаго и индивидуальнаго умѣть гармонически соединить съ наибольшимъ развитіемъ безличнаго и всеобщаго. Индивидуумъ даже какъ индивидуумъ имѣетъ неизмѣримую цѣну и не допускаетъ никакой для себя замѣны, но эта цѣна безконечно, безмѣрно возрастаетъ, если индивидуумъ получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ жизни человечества и міра. Только о томъ, чтобы увеличить его цѣну, а не о томъ, чтобы его обезличить и лишитъ той цѣны, которую онъ уже имѣетъ, какъ индивидуумъ, идетъ здѣсь дѣло. И то же самое имѣетъ значеніе въ отношеніи каждаго субъективнаго, личнаго чувства или мысли. Чтобы повысить значеніе этого чувства или мысли надо связать ихъ съ чувствами и мыслями, имѣющими болѣе широкій характеръ, предметъ которыхъ простирается на болѣе широкое цѣлое. Въ конечномъ предѣлѣ это цѣлое становится равнымъ

всему человечеству и міру. Чѣмъ болѣе идеи, чувства и поступки человѣка, не утрачивая своего индивидуальнаго характера, приобрѣтають вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое значеніе, чѣмъ въ большей мѣрѣ отдѣльный человѣкъ является представителемъ и выразителемъ всего человечества, его завѣтныхъ надеждъ и стремленій, его борьбы за лучшее, свѣтлое будущее, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ жизнь и дѣятельность данной личности. Способствовать этому всѣми возможными средствами и составляетъ одну изъ самыхъ основныхъ задачъ нравственнаго воспитанія.

Кон. Вентцель.

